

Продается по 5 коп
въ лоснахъ Пташникова и у газетчиковъ

Четвергъ, 12 Апрѣля 1907 г.

№ 104.

ОЗРНИЕ ТЕАТРЪ

Ежедневная иллюстрированная театральная газета



„Обреченные“.

Новая драма А. А. Измайлова.

(Обзор рецензий).

На прошлой недѣлѣ Малый театръ поставилъ новую пьесу „Обреченные“, авторомъ которой является профессиональный критикъ, литературный и театралный, А. А. Измайловъ. „Обреченные“ — его первый опытъ въ области драматургіи.

Мнѣ не привелось быть на первомъ представленіи этой новинки. Критика констатируетъ сочувственный приемъ пьесы публикой. Сама критика относится къ драматическому первенцу почтеннаго собрата ея болѣе, чѣмъ сочувственно и всячески поощряетъ его выступленіе на поприще драматургіи.

Я смотрѣлъ второе представленіе „Обреченныхъ“.

Основнымъ поощрительнымъ мотивомъ критики является единогласное утверждение, что пьеса „литературна“; литературность пьесы дѣйствительно, безспорна. Но что это за достоинство?

Вѣдь пьеса принадлежитъ дѣйствительному литератору, — какъ же ей не быть литературной? Сказать заправскому писателю, какъ А. А. Измайлову: „вы пишете литературно“ — это то же, что сказать человѣку: „какой вы, сударь, славный — у васъ есть носъ!“. Отсутствие носа — это большой недостатокъ, но наличность носа — не достоинство.

Впрочемъ, на территоріи Малаго театра „литературность“ — рѣдкость, следовательно, достоинство, какъ въ царствѣ безносыхъ верховъ совершенства будетъ человѣкъ съ носомъ.

Что же, однако, представляютъ изъ себя „Обреченные“, какъ пьеса, какъ драма? Какое слово, если не новое, то, по крайней мѣрѣ, интересное сказалъ намъ на своемъ дебютѣ г. Измайловъ? На эти вопросы, къ сожалѣнію, утѣшительнаго отвѣта дать не могу ни отъ себя, ни выдержками изъ критики, которую нельзя упрекнуть въ недостаточномъ уваженіи къ имени автора, къ его дарованію, къ его симпатичной дѣятельности.

„Обреченные“ — это драматическая компиляція и по формѣ, и по идеѣ. О драматическихъ компиляціяхъ я уже какъ то писалъ. Въ музыкальномъ мѣрѣ этотъ родъ „творчества“ называютъ „капельмейстерской музыкой“. Капельмейстеры, какъ извѣстно, въ массѣ — плохіе композиторы. Профессія дирижера фаршируетъ и пронизываетъ ихъ чужими звуками, аккордами, цѣлыми мелодіями. Постепенно, незаметно для себя они до того проникаются чужими мотивами, что

начинаютъ ихъ считать своими. И когда профессиональный капельмейстеръ берется за самостоятельную композицію, то онъ, самъ того не сознавая, впадаетъ въ компиляцію чужихъ музыкальных формъ и идей.

Авторъ „Обреченныхъ“ оказался въ сущности такимъ же драматическимъ „капельмейстеромъ“. Многолѣтній драматическій рецензентъ, онъ, самъ того не сознавая, невиннѣйшимъ образомъ написалъ пьесу въ тѣхъ тонахъ, съ которыми онъ наиболѣе сроднился, — въ тонахъ Чехова. Что пьеса написана „въ чеховскихъ тонахъ“ говорить всѣ рецензіи.

Наиболѣе обстоятельный разборъ пьесы находимъ въ „Руси“ за подписью „Шмель“.

Окидывая взглядомъ — говорить г. Шмель — впечатлѣніе вчерашняго спектакля, надо признать дебютъ г. Измайлова въ качествѣ драматурга удачнымъ. Пьеса талантлива, литературна, смотрится съ большимъ интересомъ. Мѣстами, не смотря на отсутствіе сильнаго дѣйствія и общую сѣрость тоновъ (такіе ужъ сѣрые люди въ ней изображены), зритель все же захваченъ живымъ и образнымъ діалогомъ, тонкой обрисовкой характеровъ и настроеній, благородной простотой языка.

Но тутъ же критикъ указываетъ на основную промахъ, который лѣзетъ въ глаза.

Согласно обещанію автора, выраженному въ заглавіи и подчеркнутому въ заключительномъ монологѣ героя-писателя, мы ожидали видѣть въ пьесѣ родъ символическую картину рокового умирания и распада двухъ поколѣній нашей переходной эпохи, на самомъ же дѣлѣ увидѣли только частную семейную драму буличино-рабятинскаго доктора, милаго и порядочнаго, но сѣраго человѣка. Произошло же это по той простой причинѣ, что публицистъ, мыслитель, преодолевъ въ авторѣ чистаго художника и вмѣсто того, чтобы выявить замышленную основную идею въ образахъ, — которые бы сами за себя говорили, — выдѣлалъ его въ формулу, которую и пришилъ въ концѣ, искусственно, въ качествѣ резюме.

Это положеніе критикъ доказываетъ своимъ разборомъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, — которыя, однако, дѣйствуютъ и говорятъ противъ замысла автора — и заключаетъ:

Заглавіе не соответствуетъ содержанию, а финальный разъяснительный монологъ лишь затмѣиваетъ идею пьесы и нарушаетъ цѣльность художественнаго впечатлѣнія. И тѣмъ болѣе это жаль, что — повторяю, — ядро драмы выполнено авторомъ мѣстами подлинно превосходно.

Здѣсь мнѣ хочется отъ себя прибавить, что г. Шмель поступилъ точно такъ же, какъ разбираемый имъ авторъ: его разборъ пьесы не соответствуетъ выводу, или наоборотъ. Дѣло, конечно, не въ заглавіи. Заглавіе — не обѣденная карточка, которая заранѣе говоритъ, что вамъ подадутъ. Дѣло въ драмѣ, какъ она есть, въ ея тонахъ, которые должны быть цѣльны и выдержанны въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ, въ цѣль-

ности и компактности основной мысли и т. д. А это, именно, критик своим разбором отрицает в пьесе.

Судите сами. Во большом провинциальном городѣ живетъ работящій и трезвый докторъ Якимовичъ съ женою, которая вышла за него по любви. Былъ у нихъ ребенокъ, но умеръ. Кругомъ—срая, скучная провинциальная среда. Въ домъ живетъ еще братъ докторши, Михаилъ,—несчастный юноша-неудачникъ, страдающій запоемъ. Мужъ вѣчно занятъ. Жена одна. Немудрено, что мечтательная женщина послѣ многихъ лѣтъ замужества затосковала, и когда у нихъ во флигелъ поселился сосанный изъ Петербурга сюда красавецъ-писатель, беллетристъ Кручининъ,—полюбила его и сошлась съ нимъ. Немудрено такъ же и то, что она цѣлый годъ не рѣшалась открыться въ этомъ мужу, хотя тотъ и подозреваетъ ее, ревнуетъ и мучительно шпионитъ за ней. Наконецъ послѣ года такой взаимной муки, докторъ уличаетъ любовниковъ. Они ждали грозы: дуэли, убійства, самоубійства... Но вводя порядочный и глубоко сердечный человѣкъ, докторъ подводитъ всей этой исторіи горадо больше благородный итогъ: высказавъ женѣ все свои скрытые муки и всю свою беззастѣнливую любовь къ ней и краснорѣчиво оправдавъ передъ нею свою роковую, неизбежную будничность, онъ представляетъ ей совершенно свободный выборъ между нимъ и любовникомъ. Мужъ побѣдиль невѣрную жену своимъ благородствомъ, трогательнымъ краснорѣчьемъ и самоотверженностью и она, скрывъ сердце и побора увлеченіе своей мечтательности, остается дома. Скажите по совѣсти, неужели въ этомъ трудолюбивомъ докторѣ и столь геройски выдержавшемъ свое постигнѣ страшное испытаніе обманутомъ мужѣ есть хоть тѣнь слабого человѣка, надъ которымъ тяготеетъ рокъ неизбежнаго разложенія? Какой же тутъ „обреченный“? Напротивъ, мнѣ видится въ немъ такая крикливо, что дай Богъ всякому, и если бы въ мѣсто такой честию выдерживать испытанія, сохраняя чловѣчій обликъ среди пѣтсени и гнѣния провинциальныхъ будней, то Россія давно бы ужъ благоденствовала. Да и жена не плоха. Напрасно авторъ пытается всячески винуиить зрительскую мысль, что она похожа на бѣлку, которая, просидѣвши полтора года въ клѣткѣ, потомъ уже сама, по причинѣ своей слабости и трусости, бонсея эту клѣтку оставить, хотя и раскрыты дверцы. Автору не удастся насъ убѣдить въ этомъ, и Вѣра, несмотря ни на что, остается въ нашихъ глазахъ тоже очень порядочно и далеко не слабою женщиною. Пусть авторъ самъ скажетъ: было ли когда-нибудь благородство характера и сознательное самоотреченіе признакомъ дрибности и вырожденія!..

„Судите сами“—скажемъ и мы словами г. Шмеля.

Рецензентъ „Новаго Времени“ намекаетъ на комплиментарность „Обреченныхъ“.

Пьеса „Обреченные“, поставленная 2 апрѣля на сценѣ Малаго театра, несомнѣнно навѣяна чеховскими настроеніями. Сѣрые люди, сѣрые тона. То „Тайка“ въ ней слышится, то говорятъ „Три сестры“. Авторъ „Обреченныхъ“, А. Измайловъ,—литераторъ и пьеса его написана литературно. Иногда ему даже мѣшаетъ писательское мастерство. Чувствуется нѣкоторая условность, дѣланность. Авторъ словно поднимается своему перу и выработаннымъ манеръ письма „чеховцевъ“. При всемъ томъ „Обреченные“—пьеса интересная по своей идѣе и содержанію.

Дальнѣйшимъ своимъ разборомъ и критикѣ „Новаго Времени“ опровергаетъ самъ себя, свое утвержденіе, что пьеса—интересная.

Чѣмъ больше вчитываюсь въ рецензію, тѣмъ больше оказывается противорѣчій между разборами и выводами.

Вотъ г. Василевскій въ „Рѣчи“ находитъ, что дебютъ г. Измайлова въ качествѣ драматурга „въ общемъ надо признать удачнымъ“, но тутъ же говоритъ яв о противоположное.

И въ концепціи пьесы, и въ общемъ тонѣ, и въ отдѣльных черточкахъ дѣйствующихъ лицъ сказывается сильное вліяніе Чехова, и главный недостатокъ пьесы—именно ея несамостоятельность. Тамъ и сямъ въ пьесѣ проглядываетъ то Фирсъ, то Телѣпкинъ, то Астровъ, а еще чаще проглядываютъ не какое-нибудь опредѣленное лицо изъ чеховскихъ пьесъ, а вообще чеховскіе полупштрихи и полутоны. Извѣстное сходство съ Чеховымъ, правда, неизбежно при трактовкѣ такой темы, какова выбранная г. Измайловымъ, но нѣкоторыхъ несамостоятельныхъ деталей можно и должно было избѣжать; такова, напр., первая фраза пьесы о башнѣ св. Сульпиція, статистическіе матеріалы Антона Якимовича,—см. теостребительную карту Астрова, задачникъ Спицына и пр.

Въ общемъ свѣжъ выписанный бытъ, хороший юморъ и удачно выраженное настроеніе—таковъ несомнѣнный активъ пьесы; длинноты, аритмія и несамостоятельность—ея слабая сторона. Было тянется перегруженный разговорами первый актъ и ослабленъ длиннымъ монологомъ Кручинина послѣдній актъ; вдобавокъ, упомянутый заключительный монологъ психологически плохо мотивированъ.

Въ спортивныхъ состязаніяхъ существуетъ обычай прибавочныхъ „утѣшительныхъ“ призовъ для проигравшихъ турниръ. Въ критикѣ, повидимому, существуютъ „утѣшительныя“ рецензіи. Думается, что г. Измайловъ въ этихъ утѣшеніяхъ не нуждается. „Быть можно дѣльнымъ“... критикомъ и писать слабые пьесы. До г. Измайлова это доказалъ Бѣлинскій.

Слѣдующая „утѣшительная“ рецензія г. Носкова въ „Словѣ“. Обстоятельный разборъ, противъ положеній котораго, однако, можно лично и долго спорить. Г. Носковъ возстаетъ противъ политической платформы пьесы нахотя, что выведенный въ пьесѣ смысловый писатель Кручининъ обрисовалъ недостаточно либерально, что-ли?

Дѣйствительно, кто такой Кручининъ и для кого убѣдительно его проповѣдь? У него одна лишь гражданская добродѣтель, да и та вызвана бюрократическо неумѣлой администраціи, принявшей писателя тенденціозныхъ повѣстшекъ за опаснаго „политическаго“ дѣятеля. Въ политикѣ Кручининъ младенецъ, ибо политическіе дѣтели на зарѣ движенія (по пьесѣ въ 1904 году) не сражались на словесныхъ дуэляхъ изъ-за чужихъ женъ, не вели той жизни, полной прозябанія, которую ведетъ въ пьесѣ Кручининъ.

Въ общемъ г. Носковъ не „отказываетъ“ пьесѣ г. Измайлова „не только въ литературности, но и въ даровитости“.

Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ рецензія написана Г. Яенискимъ. Обидное впечатлѣніе производятъ эта рецензія: обидно за почтеннаго писателя, который оказывается такимъ театральнымъ младенцемъ, что досада на несовершенство исполненія, кончается слѣдующей репликой:

Искусственная или не продуманная игра, за все-какими нехотушками, предѣла пьесъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, напротивъ, надо было прийти на помощь автору. Это тѣмъ болѣе обидно, что въ труппѣ есть такіе недожизненные дарования, какъ гг. Судьбининъ, Баратовъ и г-жа Мирова.

Судьбининъ и... Мирова! Каково сопоставленіе! „Недожизненные дарованіе“ г-жи Мировой! Не пождорочится отъ этакихъ похвалъ. Сама г-жа Мирова скромная молодая актриса, несомнѣнно, красива, когда увидела себя рядомъ съ такимъ во истину большимъ, недожизненнымъ артистомъ, какъ г. Судьбининъ, даже рядомъ съ эффектнымъ Баратовымъ.

Пьесу г. Яенискій хвалитъ въ тѣхъ же театально-младенческихъ „тонахъ“:

Черезчуръ расхвалитъ пьесу въ газетахъ до постановки, говорить, дурной знакъ. Зритель ждетъ совершенства, приходитъ, смотритъ, разочаровывается и шипитъ.

Тѣмъ не менѣе, съ комедією А. А. Измайлова этого не случилось: въ газетахъ прошесть слухъ, что пьеса замѣчательная, и все-таки она сошла не только благополучно, но и съ выдающимися успѣхами.

Во-первыхъ, пьеса литературная, т. е. умная, идеяная во-вторыхъ, — сценичная и талантливая, и въ-третьихъ... ну, въ-третьихъ, опять литературная.

Вотъ, можетъ быть — излишне литературная, и эта сугубая литературность и составляетъ ея главный недостатокъ.

Что „пьеса г. Измайлова прекрасна и благородна“ — это для г. Яенискаго „разумѣется“.

У А. Измайлова такое истинно-сценическое дарованіе, что отъ него можно и должно ждать теперь новыхъ пьесъ. Русская сцена, во всякомъ случаѣ, обогатилась еще однимъ даровитымъ драматургомъ. Надо быть ему только смѣлѣе.

„Петербургская Газета“ (г. Омега) говоритъ, что основная мысль пьесы заслонена „обыкновеннымъ, шаблоннымъ романомъ“. Не резвоируя, г. Омега отмѣчаетъ достоинства и недостатки пьесы.

Къ недостаткамъ пьесы слѣдуетъ даѣе отнести многорѣчивость дѣйствующихъ лицъ, разсужденія ихъ на темы, не имѣющія никакого отношенія къ пьесѣ, некоторые длинноты и неестественности, не жизненности извѣстныхъ положеній. Такъ, напр., въ последнемъ дѣйствіи, когда мужъ уже открылъ, что жена его любитъ писателя и болѣе года живетъ съ нимъ, этотъ самый писатель, ничтоже сумняшеся, вместо того, чтобы уйти, произноситъ длиннѣйшій монологъ, и все его слушаютъ. „Новостильная“ семейная исторія!

Къ достоинству пьесы г. Измайлова безусловно должны быть отнесены — прекрасный литературный языкъ, хорошо зачерченные бытовые сценки, много тонко подмѣченныхъ, харак-

терныхъ черточекъ, мѣстами здоровый, подкупающій юморъ и, главное, теплота и искренность тона.

Компильтивность „Обреченныхъ“ наиболѣе сумауетъ г. Россовскаго „Пет. Лисгокъ“. Все, что имѣется въ пьесѣ г. Измайлова, слишкомъ много разъ показывалось на сценѣ театровъ, въ особенности въ пьесахъ Ант. Чехова:

У этого писателя, Измайловъ многое взялъ для своихъ „Обреченныхъ“. Его докторъ Якимовичъ скопированъ съ „Дяди Вани“, отчасти съ докторовъ герцеговъ „Ивановъ“ и „Три сестры“. Такой же захудалый умъ, то же озлобленное недовольство на себя и всѣхъ окружающихъ и такое же заблѣние медициной. А измайловскій учитель прогимазиинъ Синицынъ — развѣ не слабѣя копія съ чеховскаго учителя латинскаго языка въ „Трехъ сестрахъ“ Писатель Кручининъ въ „Обреченныхъ“ напоминаетъ писателя изъ „Чайки“ и „Татьяны Рѣшиной“. Этотъ герой пьесы г. Измайлова написанъ по старому шаблону, по готовому трафарету, только финальная рѣчь его, заканчивающая пьесу, „сдѣлана“ съ современными потугами объяснить то, чего не вѣдаетъ никто.

Жена доктора Якимовича это не то „Чайка“, не то жена профессора изъ „Дяди Вани“ Слуга Захеринъ, выжившій изъ ума старикъ, — прямо фотографія со стараго слуги изъ „Вишневаго сада“. Все третье дѣйствіе „Обреченныхъ“, бѣтъ въ клубъ по поводу 20-лѣтня дѣятельности доктора, — развѣ это не копіровка вѣсера съ танцами изъ „Вишневаго сада“ и „Обиды“? Лирическій отступленія, гимны природѣ, въ „Обреченныхъ“ заставляютъ вспоминать такіе мѣста въ „Дядѣ Ванѣ“ (въ первомъ дѣйствіи — рѣчь о лѣсѣ) въ „Чайкѣ“ гимнъ солнцу, въ „Ивановѣ“ значеніе жизни на лѣнѣ природѣ.

Затяжные паузы, снѣговые эффекты (переходы отъ вѣсера, ночи къ дню) — все это, происходящее чрезъ всю пьесу г. Измайлова, елика (или „настроеніе“) — все это также плоды хорошаго изученія пьесъ и сочиненій Ант. Чехова.

Что же собственнаго, „измайловскаго“ въ „Обреченныхъ“? Ничего, или очень мало! И это-идея этого „городъ горючитъ и паусту садитъ“! Стоило писать, яко бы новую пьесу, создавая „Обреченныхъ“ граммофоно и фотографически повторять чеховскія рѣчи, чеховскіе герои и героини!

„Конечно, не стоило“ — отвѣчаетъ г. Россовскій.

„Диссонансомъ“, и очень рѣзкимъ, въ хорѣ доброжелательныхъ и „утѣшительныхъ“ отзывовъ является рецензія г. Tsh въ Товарищѣ.

Что сказать о „мастерствѣ“ автора. Очевидно, г. Измайловъ мечталъ написать пьесу въ „чеховскихъ тонахъ“: нудная люди, нудная паузы и нудная фразы... Но — увы! — г. Измайловъ не постигъ тайны творчества Чехова: г. Измайловъ написалъ не драму скуки, а скучную драму.

Паузмѣшья некультурности русскіихъ драматурговъ: таланта не выдумаетъ, — разумѣется, — если Богъ не вложитъ его въ душу, во, вѣдь, есть и что и отъ человѣка: это — тонкая техника, остроуміе общей концепціи, ярыи стиль... Ничего этого нѣтъ въ пьесѣ г. Измайлова. Печать сѣраго бездарнаго провинціализма лежитъ на всѣхъ четырехъ актахъ.

По рѣзкости здѣсь можно предположить „личные счеты“. И очень жаль. Можно было бы привѣтствовать мотивированный отрицательный разбор пьесы, какъ актъ отважной—по существующимъ въ столицѣ литературнымъ нравамъ—независимости. У насъ въ критикѣ ужъ слишкомъ много пріятельства. Дошло уже до того, что цѣлая группа журналистовъ и писателей напоминаютъ какое то „общество взаимнаго рекламированія“. Г. Тш изъ „Товарища“ впадаетъ въ другую крайность своей послѣдней фразой. „Бездарнымъ провинціализмомъ“ нельзя назвать пьесу г. Измайлова. Этому никто не повѣритъ.

Постановку и исполненіе „Обреченныхъ“ критика единогласно хвалить. И дѣйствительно, пьеса идетъ съ на рѣдкость хорошимъ ансамблемъ, а игра г. Судьбинина въ этой пьесѣ—это что-то очень большое, крупное, самодовлѣющее, какъ само искусство. Объясненіе Якимовича-Судьбинина съ женой, въ по-

слѣднемъ актѣ—шедевръ сценическаго реализма. Ради одного г. Судьбинина стоитъ идти смотрѣть „Обреченныхъ“. Прекрасно играютъ и его партнеры г-жа Рощина-Инсарова и г. Баратовъ. Г-жа Рощина-Инсарова въ своей роли (жены Якимовича) прямо безукоризненна. Эту роль она ведетъ съ неожиданной для молодой артистки выдержанностью, безъ той талантливой безпорядочности исполненія, которая раньше замѣчалась въ творествѣ артистки. Здѣсь чувствуется серьезный сценическій тактъ, умѣніе не только дѣйствовать, но и жить на сценѣ. Предлинный рассказъ героини въ 1-мъ актѣ она сумѣла передать такъ, что никто не чувствовалъ ни малѣйшей длинноты, ни въ комъ не зародилась мысль о томъ, что здѣсь авторъ повѣствуетъ, а не живописуетъ. Кстати. Я думаю, что г. Измайловъ, въ сущности своей пьесой испортилъ себѣ хорошій романъ. Если на это никто изъ критиковъ не обратилъ вниманія, то этимъ авторъ „Обреченныхъ“ все-

цѣло обязанъ г-жѣ Рощиной-Инсаровой. Роль Вѣры, въ дѣйствительности, больше повѣствовательная, чѣмъ „дѣйствующая“.

Въ роли писателя Кручинина г. Баратовъ даетъ такой именно типъ „знаменитости по недоразумѣнію“, какой получился у автора, быть можетъ, помимо его желанія. Это пріятно доказываетъ, что г. Баратовъ чувствуетъ текстъ роли и положеніе изображаемаго лица больше, нежели претензіи автора, ибо мало ли, что авторы „задумываютъ“... Сценическій авторъ — актеръ — долженъ стремиться къ тому, чтобы быть *въ своемъ положеніи* убѣдительнымъ, то есть, чтобы дѣйствія, позировка и внѣшній обликъ отвѣчалъ рѣчамъ.

Мило, ясно, толково и типично играетъ еще въ этой пьесѣ г-жа Мирова и гг. Чубинскій и Мячинъ.

Объективный.

P. S. Въ предыдущемъ 102-мъ номерѣ, въ моемъ обзорѣ рецензіи о пьесѣ „Богъ мести“ допущена досадная опечатка. На стр. 6, внизу, напечатано: „но галантный Номо novus; должно быть: но талантливый Номо novus“. **Об...**